

О серии выражений:

*муху зашибить, муху задавить,
муху раздавить, муху убить,
с мухой, под мухой*

Академик

В. В. ВИНОГРАДОВ

Выражения *муху убить, муху зашибить, муху задавить, муху раздавить* являются своеобразными идиоматическими синонимами. Трудно с точностью определить стилистический круг их употребления в современном русском языке. По-видимому, они отмирают. Приурочение их к «просторечию» лишь затемняет их экспрессивные качества и оттенки жаргонного происхождения. В сущности синонимические отношения между глаголами *зашибить, задавить, раздавить, убить* (а также в индивидуальном употреблении *урезать*) в данном фразеологическом контексте обусловлены лишь некоторой общностью их значения и употребления, а также бессмысленностью одного и того же объекта — *муху*. Их значение в семнадцатитомном академическом «Словаре современного русского литературного языка» истолковывается так: «Выпить вина». Оно иллюстрируется следующими примерами из художественной литературы XIX века:

Сочини-ка ты мне того, чтоб муху задавить, то есть, рюмочку. (*Достоевский. Село Степанчиково...*);

Любили они муху зашибить. Бывало мимо кабака проехать нет возможности. (*Чехов. Происшествие*);

Приходи покалякать когда, поболтать, а и муху можно раздавить. (*Мамин-Сибиряк. Дикое счастье*).

Необходимо указать на то, что цитата из повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» произвольно сокращена в академическом Словаре. Вот она в полном виде: «Сочини-ка ты мне того... понимаешь? Ромео, так только, чтобы муху задавить... единственно, чтоб муху задавить, одну, то есть, рюмочку». Определение 'выпить вина' заимствовано из шахматовского «Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Императорской Академии наук». Здесь в статье о глаголе *задавливать* — *задавить* находим: «Задавить муху — переносно: выпить вина. А тем временем муху задавим» (Достоевский. Униженные и оскорбленные). Более широкий контекст в «Униженных и оскорбленных» Достоевского такой: «Теперь четверть двенадцатого... Ну так ровно в тридцать пять минут двенадцатого я тебя и отпущу. А тем временем муху задавим».

Любопытно, что в шахматовском Словаре не помещено выражение *зашибить муху*. Однако под восьмым значением глагола за-

шибать, зашибить 'пить; иметь склонность к выпивке, к пьянству, запою' приведена народная поговорка (со ссылкой на «Пословицы русского народа» В. И. Даля): «Зашибить дрозда — сильно выпить». Возможно, что выражение *зашибить муху* возникло позднее, чем *задавить муху, убить муху*, в результате контаминации этих выражений с глаголом *зашибить* — *зашибать* в значении 'выпивать, иметь склонность к выпивке'. (Можно вспомнить и другое жаргонное значение и употребление глагола *зашибить* — *зашибать*: зашибить деньги, зашибать копейку и т. п.) Иллюстративные примеры собираются из народных говоров разных мест — севера, юга и запада. Из русской художественной литературы извлечены лишь три цитаты:

Признаться сказать, не помню, как и до светлицы доволока. Шибко зашибли. (*Печерский*. В лесах);

Большак-то у меня не надежен — зашибает. (*Л. Толстой*. Два старика);

Нашел муж полон котел золота и с той самой поры зачал крепко вином зашибать. (*Афанасьев*. Сказка «Жена доказчица»).

Обращает на себя внимание тот факт, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля под словом *муха* помещено лишь одно «переносное» выражение: *Убить муху* 'напиться до пьяна'.

В письме музыкального издателя П. И. Юргенсона к П. И. Чайковскому (от 13 декабря 1878 года) читаем: «Сегодня Воган с супругою позвали на „кусок ростбифа“, а после обеда дамский вечер у Софьи Ивановны. Тут мы, значит, двух мух разом убьем».

В «Кавказских воспоминаниях» (1861—1863) М. И. Венюкова: «На другой день, по случаю именин В. А. Геймана, у него был обед и, конечно, опять шампанское, причем именинник охотно подливал в бокал своему пятилетнему сыну, говоря, что „Егорка у меня молодец, настоящий кабардинец: умеет убить муху“, т. е. пить и не напиваться до потери сознания».

Трудно сомневаться в том, что во фразеологическом ряду *муху зашибить, муху задавить, муху раздавить, муху убить* на первое место с историко-этимологической точки зрения надо поставить выражение *убить муху*. В самом деле, фразы *задавить муху, раздавить муху* являются более или менее свободными, так как в них *муха* может быть заменена разными другими словами, метонимически обозначающими 'сосуд с вином'. Так, Гоголь вносит в свою «Записную книжку» рассказ об уланском обычае: «Уланы имели обычай складываться в числе 20: каждый поочередно покупал боценок вина, другие приходили к нему пить: это называлось „давать бухашку“».

У И. С. Тургенева в рассказе «Поездка в Полесье»: «Эх, барин, дай проходимцу на косушку! Уж раздавлю ж я ее, — подхватил он, подняв плечо к уху и скрипнув зубами». У В. А. Слепцова в «Спевке»: «И когда второй полуштоф был раздавлен, певчие уже свободно ходили по зале и начали... громко разговаривать...». У Г. П. Данилевского в романе «Мирович»: «Финансы в авантаже, не желаешь ли кстати черепочек раздавить?».

В семнадцатитомном Словаре отмечено у глагола *раздавить* — *раздавливать* просторечное значение 'выпивать что-либо хмельное'. Это значение реализуется во фразах *раздавить бутылочку, стаканчик* и т. п. Например:

А вот что лучше: не раздавим ли вместе еще посудинку? (*Салтыков*. В среде умеренности...);

Знакомцы хорошие из нашей округи тож нашлись, ну, для соблюдения знакомства и еще по две косушечки раздавили. (*Лесков*. Соборяне);

Дядя, идем завтракать. Раздавим бутылочку шампанского. (*А. Н. Толстой*. Гиперболоид инженера Гарина).

В «Криптогlossарии» (Представление глагола *выпить*) П. Тиханова (СПб., 1891) упоминаются также фразы *раздавить мерзавчика, раздавить баночку* и др. под.

Таким образом, выражение *раздавить муху* по близким ассоциациям включилось в длинный, но все же ограниченный ряд связанных словосочетаний типа: *раздавить косушку, баночку, мерзавчика* и т. п. Слово *муха* выступает здесь в роли заглохшего метонимического или метафорического обозначения чего-нибудь спиртного. Производность или вторичность этого фразеологизма несомненна.

Задавить муху в значении 'выпить вина' — это ироническая метафоризация типичного бытового (особенно для поместно-дворянской жизни) термина. Для иллюстрации лучше всего воспользоваться цитатой из пушкинского «Евгения Онегина»:

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.

Выражение *давить мух* стало характеристическим образом и обозначением застойного быта дворянского времяпрепровождения и тусклого развлечения. Отсюда иронический перенос его на выпивку по связи с фразеологизмом *убить муху*.

Итак, первичным фразеологическим оборотом в этом семантическом кругу или первичным членом этого фразеологического ряда следует признать выражение *убить муху*. Оно, естественно, ведет нас к терминологии карточной игры или, другими словами, к картежному жаргону. Именно на этом фоне получает полное осмысление слово *убить*.

Обратившись к семнадцатитомному академическому Словарю, легко найти спортивно-игрецоное значение глагола *убить*. Оно почему-то в этом словаре квалифицируется как «разговорное» и описывается так: «В карточной игре — перекрывать, побивать старшей или козырной картой карту противника, получая таким образом выигрыш (в карте, ходе, игре)». Иллюстрации:

[Утешительный:] Какое странное течение карт! Вот любопытно для вычислений! Валет убит, девятка взяла. (*Гоголь*. Игроки);

Долохов убил, то есть выиграл десять карт сряду у Ростова. (*Л. Толстой*. Война и мир);

Прекрасное занятие карты: сидишь за столом и, в течение ночи, десять раз умрешь и воскреснешь. Жутко знать, что вот в последнюю минуту убыл твой последний рубль и ты — нищий. (М. Горький. Проходимец).

В современном спортивном жаргоне переносное значение глагола *убить* — *убивать* для обозначения «успешного „вывода“ из игры, выигрыша» употребляется очень широко. Характерно также «переносное» от карточной игры выражение *убить карту* в значении «правильно предпринять что-либо, принять верное решение»:

[Компас:] Послушайте, как вас там, Алина. Мне не очень улыбается женить сына на девушке из низшего класса... Но вы вовремя убили карту. Я согласен, если вы исполните все мои инструкции. (А. Н. Толстой. Делец (см. 17-томный Словарь)).

Таким образом, внутренний анализ выражения *убить муху* приводит к выводу, что оно возникло в игрецком картежно-профессиональном жаргоне, по-видимому, еще в ту пору, когда он был тесно связан с социальными диалектами военной среды (преимущественно дворянско-помещичьей и дворовой окраски). В очерке А. Чужбинского «Стоянка в Дымагаре»:

«— А может быть, выкушаете с нами кофе?»

— Как Вам сказать! Если бы можно убить медведя — пожалуй. Старушка вопросительно посмотрела на гостя.

— Ха, ха, ха! вы не понимаете. Медведь значит кофе с ромом.

Это — выражение военного жаргона, — говорит ротмистр.

Ср. «И знаешь ли, напился хорошего хереса и убил штуки три медведей. Ромуловский так себе, но хересина, братец, просто объедение».

Фразеологический ряд экспрессивных глаголов, обозначающих выпивку, пьянство, в последние десятилетия XIX века пополнился выражением *урезать муху* (ср. *нарезаться*). Вот пример из журнала «Осколки» (анонимная подпись под рисунком А. И. Лебедева):

Супружеская гармония.

— Ну, и чего ты раскис, Аркаша? Чего глядишь сентябрем?

— Не радоваться же мне, неделю назад жену схоронивши! Без нее все мне как-то опротивело... Даже вино, и то претит... Разом исчезла вся гармония моей семейной жизни...

— Какая у тебя, к черту, была с женой гармония! Ты пьянствовал, а она за это тебя ругала, вот и вся твоя гармония!

— Э-эх, не говори, брат! Ты в этом деле ничего не смыслишь!

И в ругани своя гармония есть... Придешь, бывало, домой, *урезавши здоровую муху*, завалишься на кровать, да пока жена-покойница, царствие ей небесное, тебя костит да пияет, эдак сладко-сладко заснешь... Это не гармония, по-твоему? («Осколки», 1886, № 10).

У А. С. Афанасьева (Чужбинского) в рассказе «Забывтая история» есть рассуждение о русских карточных играх XIX столетия и среди них упоминается *мушка*:

Смело можно быть уверенным, что пока существуют карты, то каждая из игр, прежде изобретенных, хотя бы она находилась в забвении сотни лет, непременно возникнет с каким-нибудь усовершенствованием, а иногда и в первобытном виде. Кто следил за этим делом в последнее время, у того на глазах совершались различные

метаморфозы с самыми старинными играми, которые, возрождаясь и совершенствуясь, мало отходили от первоначального типа.

Вот названия игр — бывших и находящихся у нас в употреблении с начала столетия: трилистик (иначе — подкаретная), дурачки, свои козыри — мельник, короли, фофан, юрдон, марьяж, пикет, экарте, тентере, каламбриест, дружбарт, вист, бостон, гальбик (гальбцвельф), ландскнехт (дябелэк), банк (фараон), стос, квинтичь, *мушка*, кончинка, цхра, безик, ломбер, палки, преферанс, ералаш, рамс, стуколка, макао. Некоторые только видоизменения прежних, как например — палки происходят из тентере, ералаш из виста, стуколка заимствована из подкаретной... Большинству, вероятно, известно, что игры разделяются на азартные и коммерческие, т. е. одни из них предоставляют выигрыш чисто случаю и счастью, — другие же, требуя искусного понимания и соображения — благоприятствуют только игроку, обладающему этими качествами... Азартными играми считаются все не имеющие козырей... (Собрание сочинений. Под редакцией П. В. Быкова. Т. IV. СПб., 1894, стр. 297—298).

Итак, муха или мушка — это была модная карточная игра в начале XIX века. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 18 апреля 1828 года: «...На днях же и сам дебютировал в муху (игра карточная в моде)». Значение 'картежная игра' отмечал в слове *муха* и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

На том историческом фоне, который здесь вырисовывается, вся соль экспрессивно-образных словесных воплощений выпивки, пьянства сосредоточивается в слове *муха*. Это обстоятельство отражается и в тех деформациях, которым подвергаются связанные с ним фразеологизмы. Вообще говоря, внутренняя неразложимость или односторонняя трансформация идиоматизма лежит в основе его возможных каламбурных видоизменений и даже внутренне не мотивированных или механических его рассечений и дроблений. Но, конечно, тут большую роль играют аналогические соответствия и концентрации, скрещения и сокращения. Именно в результате таких процессов возникли детерминативные сочетания слов с *мухой*, *под мухой*. Иллюстрации: «Крисп Иванович засиживался иногда в гостях, иногда возвращался домой с мухой» (Мамин-Сибиряк. Богданка); «Зинаида Тихоновна, внимательно рассматривая свою гостью..., даже подумала про себя: „Ох!.. должно быть, она того... с мухой“» (Мамин-Сибиряк. Бурный поток).

У А. П. Чехова в рассказе «Пересолил»: «До усадьбы... осталось еще проехать на лошадях верст тридцать-сорок. (Ежели возница не пьян и лошади не клячи, то и тридцати верст не будет, а коли и возница с мухой, да кони наморены, то целых пятьдесят наберется.)»

Выражение с *мухой* встречается в стилях русского литературного языка с 30—40-х годов XIX века. Так, у П. А. Каратыгина в «Записках»: «Хотя людская молва часто из мухи делает слона, но должна же быть какая-нибудь муха. Не пригрезилось же это кому-нибудь во сне!

По прошествии некоторого времени, просто из любопытства, я

стал доискиваться, не удастся ли мне поймать где-нибудь эту могильную муху, и, действительно, мне, наконец, удалось найти, если не муху, так человека, который был „с мухой“ в день похорон моего брата; от него-то и разнеслась эта неелепость».

У Н. А. Лейкина в рассказе «Биржевые артельщики» употреблено выражение *с мухой в голове* (в нетрезвом состоянии): «В легком хмеле, как говорится, с мухой в голове, возвратился Подметкин с артельной пирушки».

Выражение *с мухой* метафорически переосмыслено применительно к характеристике состояния нетрезвого человека. Оно заимствовано из терминологии картежной игры в муху, из связанного с ней жаргона и собственно обозначало «с выигрышем, с удачей, с победой», с овладением «мухой» или с достижением «мухи».

Позднее на основе аналогических приравнений к выражениям *под хмельком* и т. п. возникло сочетание слов *под мухой*, например у К. Паустовского в «Колхиде»: «Парень, должно быть, был под мухой, — добавил Чоп от себя. — Выпил поллитровочки водки» (см. 17-томный Словарь).

В моих «Очерках по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» упоминается об очень своеобразной и интересной брошюре диалектолога-любителя П. Тиханова «Криптогlossарий» (Представление глагола *выпить*). Здесь собрана лексика и фразеология, вращавшаяся в пределах живой разговорной русской речи и ее разных социальных диалектов в конце XIX века и связанная с представлением о выпивке, о пьянстве. Мне кажется и теперь, в общем, правильной данная здесь социально-диалектная характеристика разных типов обозначений выпивки: «В противоположность дворянской традиции, в которой фразеология пьянства носила отпечаток или „простонародности“ (например: нализаться, как зюзя, куликнуть, хлебнуть лишнее, хватить и т. д.), или военного и картежного арга (например: зарядиться, быть на втором взводе, нарезать, с мухой, под мухой и т. д.), или же каламбурной нарочитости (под шефе, фрамбуаз, насандалиться, заложить за галстук и др.), в буржуазной, разночинной среде „представление глагола *выпить*“ осуществлялось, с одной стороны, красками городского вульгарного просторечия, нередко с жаргонным оттенком (ковырнуть, нажраться, надрызгаться, дернуть, дерябнуть, долбануть, дербануть, дербалызнуть, налакаться, раздавить мерзавчика, раздавить баночку, хлебнуть малую толику, садануть, тюкнуть, хлобыснуть, царашнуть и др. под.), с другой стороны, приемами нарочито книжных, нередко официально-канцелярских и церковнославянских (семинарских) перифраз (вонзить в себя, двинуть от всех скорбей, писать мыслете, нарезать в достолюбезном порядке, разрешить вино и елей, совершить возлияние Бахусу, устроить опрокидон или опрокидоны и т. д.)» (Лейден, 1950, стр. 420).

Итак, русские идиоматизмы, связанные с *мухой*, сложились и распространялись сначала в жаргонно-профессиональной среде

картежников и военных, а затем влились в городское «просторечие».

Отпадает другое этимологическое объяснение этих выражений — из медицинского жаргона. Во «Врачебном словаре» Александра Никитина («Врачебный словарь, изъясняющий принятые в медицине греческие и латинские термины, с прибавлением кратких биографических очерков известных древних врачей, составленный Доктором Медицины — Надворным советником и Кавалером Александром Никитиным...». СПб., 1835) читаем под словом «muodesopsia»: «Видение мушек — обыкновенный обман в начинающемся глазном туске, т. е. больной думает, что он видит нечто, похожее на муху; от $\mu\acute{o}\lambda\alpha$ ‘муха’, $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ ‘вид’ и $\epsilon\psi\iota\varsigma$ ‘видение’».

П. Н. Тиханов в своем исследовании «Брянский говор» (СПб., 1904) воспроизводит любопытный «Памятник брянской письменности» середины XIX века — «Книшку Отъговорную Егора Зайцова». Про собеседника тетрадки один из брянских жителей отозвался так: «Это был мастеровой на одном из мальцевских заводов, старик, довольно крепкий с виду и, как говорят в Брянске, — *имел в носу* (был колдун)».

По поводу непонятого *имел в носу* с добавлением, что это значит «был колдун», П. Н. Тиханов замечает:

В русском жаргоне, среди слов для означения степени охмеления есть между прочим выражение «муха», с такими вариантами: забить, убить муху (мүшинку), с мухой, под мухой, предварительная муха, и проч., что в переводе на обыкновенную речь надо понимать: человек находится-де в подпитии, в легком опьянении, выпито для смелости, для храбрости etc. Кроме этой, так сказать скромной, небольшой вышивки, под «мухой» иногда разумеется пир горой, когда бывает что называется море разливанное и все лягут костями. Это загадочное выражение «муха» со всеми его видоизменениями недаром привилось в цикле иносказаний или жаргоне, хотя употребляется оно вряд ли сознательно.

По русскому народному суеверию, колдуны знают с нечистым, с дьяволом. Сопоставляя «муху» с одной белорусской половицей, откровенно внутреннее значение сего слова. Вот что находим в исследовании Буслаева «Русские пословицы и поговорки»:

«О чародее или колдуне белорусы говорят: (у него) „мухи в носе“. Чтобы понять эту поговорку, следует припомнить соответственные ей мифические предания других народов. У литовцев есть божество мух, *musù birbiks* (от глагола *birbju* ‘пицать, жужжать’). Немецкие сказки повествуют о превращении нечистой силы в мух.

Я. Grimm в „*Deutsche Mythologie*“ приводит одно место из „*Acta Bened.*“ (sec. I. 238), вполне объясняющее нашу белорусскую поговорку: „*In muscae similitudinem prorumpens cum sanguine de naribus egressus est inimicus*“ [Тот, кто извергает из ноздрей с кровью нечто, подобное мухе, есть враг] (Ф. И. Буслаев, *Пословицы*. М., 1854, стр. 171—172). Я. Grimm дает еще несколько превращений дьявола в муху; см. его «*Deutsche Mythologie*». Берлиц, 1877: II, стр. 834; III, стр. 295. Там же и о других метаморфозах, кои признает *malignus spiritus*. Ср. известную легенду в житии Иоанна Новгородского и мн. др. «Между смешными и достойными всякого презрения идолами, у хананеян был *велзевул* — бог мух, которому в Аккароне воздвигнуто было великолепное капище (4 Царств: 1).

Имя это иудеи впоследствии употребляли для означения *князя бесовска*. Мф.: X, 24 и дал.» (М. Сибирцев. Опыт библейско-естественной истории. СПб., 1867, стр. 329). Ср. у Calmet: Dictionnaire historique, critique etc., de la Bible (Paris, 1730, III, стр. 329 s. v. Mouches): «...Les Philistins aboraien le Dieu Mouche sous le nom de Béelsébub» [«Филистимляне поклонялись Богу Мухе по имени Беельзуб»] и др.

При характеристике Зайцова (что он «имел в носу») опущено слово *муха*, значение которого в смысле «нечистого», вероятно, потерялось в народе, сохранив его лишь для определения степени охмеления водкою, «кровью сатаны» (П. Н. Тиханов. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии, стр. 165—166.— «Сборник Отделения русского языка и словесности». Т. 76. СПб., 1904).

Искусственность и надуманность этого объяснения очевидны. Оно лишено конкретной исторической почвы. Кроме того, в этом случае остается неясной грамматическая и семантическая структура выражения *под мухой* или *с мухой*; ср. также *убить муху*.

Хобби учителя Майера

У каждого человека, как правило, есть свое «хобби», т. е. большое увлечение каким-либо делом или вопросом, не связанным с профессией. Есть оно и у учителя Гельмута Майера из Брауншвейга (ФРГ). Ему сегодня 67 лет. Из них он уже сорок лет в свободное от службы время занимается подсчетом слов. Как? Берет всевозможные тексты — художественные, публицистические, научные — и начинает подсчитывать, сколько раз такое-то слово встречается. Таким образом, он за 40 лет проанализировал с точки зрения повторяемости свыше 10 миллионов немецких слов, точно 10 910 777. Материалом послужили книги, газеты, журналы, киносценарии, грамматики, законодательство, поздравления, письма, даже влюбленных. Исследование велось, так сказать, и в устном плане. Энтузиаст своего дела, Майер, находясь на рынке среди торговцев или на вокзале среди отъезжающих, незаметно стенографировал услышанные им слова.

— А для чего, собственно говоря? — спросит читатель. Не потеря ли это времени?

Нет! Выявить частотность слов — весьма важная лексикографическая задача. Такого рода словари могут оказать большую услугу в создании хороших учебников и учебных пособий для изучающих иностранный язык.

Выявляются и другие интересные данные, например: слово *мир* значительно более употребительно, чем *война*, слово *жизнь* впереди слова *смерть*. Слово *счастье* встречается в три раза чаще, чем *несчастье*, а да в четыре раза больше нет. Из слов, обозначающих организм человека, на первом месте стоит *рука*. Затем идут: *глаз*, *сердце*. Один из важных выводов — удивительная экономичность языка в критические моменты. Тогда словарь человека становится очень малым, но и максимально выразительным.

Как видим, хобби учителя Майера не только интересно, но и полезно.

Т. Д. АУЭРБАХ